

УДК 316.1

ФАКТОРЫ АКТУАЛИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ РИСКА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЯВЛЕНИЯ

Дейнеко Александра Александровна – аспирантка социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина

В статье представлена попытка системного анализа факторов актуализации исследования риска в современной социологии. Две группы факторов, выделенных автором, описывают основные тенденции современной реконструкции социологического знания, а также социокультурных особенностей современных постсоветских обществ. Опираясь на опыт исследования риск-феноменов зарубежными и отечественными исследователями, автор отмечает неслучайный характер актуализации теории общества риска в современном социологическом знании, а также раскрывает перспективы исследования риск-феноменов как способа выхода из актуального методологического кризиса современной социологии. В работе представлена попытка пересмотра основных положений теории общества риска в интерпретации У. Бека, обоснована актуальность введения категории «риск-стратегия» в социологический дискурс.

Ключевые слова: риск, теория общества риска, социальный субъект, риск-группа, индивидуализация.

У статті наведена спроба системного аналізу факторів актуалізації дослідження ризику в сучасній соціології. Дві групи факторів, виокремлених автором, описують основні тенденції сучасної реконструкції соціологічного знання, а також соціокультурних особливостей сучасних пострадянських суспільств. Спираючись на досвід дослідження ризик-феноменів зарубіжними і вітчизняними дослідниками, автор зазначає не випадковий характер актуалізації теорії суспільства ризику в сучасному соціологічному знанні, а також розкриває перспективи дослідження ризик-феноменів як способу виходу з актуальної методологічної кризи сучасної соціології. У роботі наведена спроба ревізії основних положень теорії суспільства ризику в інтерпретації У. Бека, обґрунтована актуальність введення категорії «ризик-стратегія» у соціологічний дискурс.

Ключові слова: ризик, теорія суспільства ризику, соціальний суб'єкт, ризик-група, індивідуалізація.

An attempt of systematic analysis of risk actualizing factors in the contemporary sociological research is presented in the article. Two groups of factors, highlighted by the author, describe the main tendencies of reconstruction of contemporary sociological knowledge, as well as sociocultural features of contemporary post-Soviet societies. Basing on experience of studying risk-phenomena by foreign and national researchers, the author notes the nonrandom character of the theory of risk society actualization in contemporary sociological knowledge. Also the author stresses the prospects of studying of risk-phenomena as a way of exit from the current methodological crisis of contemporary sociology. The attempt to review general positions of the risk society theory in U.Beck's interpretation is provided in the article. The actuality of using of such category as risk-strategy in the framework of sociological discourse is highlighted.

Keywords: risk, the theory of risk society, social actor, risky-group, individualization.

Говоря об актуализации проблематики исследования риск-феноменов, следует отметить множественность факторов, способствующих успешному проникновению риск-константы в современную методологическую схему социальных наук. В общем приближении мы разделяем их на теоретические (свойственные особенностям современного социологического знания, в частности, и социогуманитарного знания в целом) и эмпирические факторы, отображающие социоструктурные и социокультурные изменения в современном украинском обществе (в более широком смысле – в современных европейских обществах). **Целью данной работы** является анализ факторов актуализации исследования риск-феноменов как константы социокультурных изменений современных европейских обществ. Обращая внимание на тесную взаимосвязь особенностей развития современных обществ и методологических схем их исследования, приступим к анализу основных теоретических тенденций, обусловивших оживленный интерес академического сообщества к проблематике риска, отметив наиболее значимые изменения оптики современного социологического знания.

В работе «Современные социологические теории» Дж. Ритцер в качестве магистрального направления исследований Американской социологической школы отмечает актуализацию изучения реерг-*groups* [1]. К исследованию подобных групп американский социолог относит, в том числе, и анализ различных видов риск-групп населения страны (как институциональных субъектов риска) – беженцев, проституток, эмигрантов, больных ВИЧ и т.д. Неподдельный интерес к подобным социальным группам, испытывающим высокую рискологическую нагрузку в определенных жизненных ситуациях, а также оказание им социальной помощи является актуальным направлением социальной политики и на Европейском континенте¹, в частности в Великобритании. Таким образом, современная социология начинает не только использовать категорию риска в качестве критерия социальной дифференциации, но и способствует эффективной имплементации теоретических построений в рамках реальной практики социальной работы. На наш взгляд, это «помогает» самой социологии выйти из актуального методологического кризиса путем максимального приближения к разрешению актуальных социальных проблем, проблем повседневности отдельного человека (подробнее эта идея представлена в работе П. Штомпки [2]). В данном контексте исследование рисков повседневной жизни людей выступает приоритетным направлением развития современной социологии, ориентированной на выход из методологического кризиса.

Успешному конструированию социологической теории риска способствует мейнстрим синтетических социологических построений в современном знании, которые позволяют отобразить целостность структурно-деятельностного подхода (теории П. Бурдьё, Э. Гидденса, Н. Элиаса, П. Штомпки и т.д.), избежав слабых сторон методологических перекосов к «структуре и «агенту». Целостный характер синтетических построений способствует, в частности, созданию комплексной теории общества риска, в рамках которой связка «структура - действие» будет представлена в качестве взаимодополняющих компонентов, а сам риск – как на уровне структуры, так и на уровне действия агентов.

Актуализации использования понятия «риск» в современном социологическом дискурсе способствует тенденция «возвращения к агенту», особенности которой описаны в работе А. Турена «Возвращение человека действующего» [3]. Отметим, что на практическом уровне подобное «возвращение к агенту» в рамках гуманистического поворота в социальных науках связано с возрастанием значимости процедуры «принятия решений» и «осознания ответственности» на индивидуальном и коллективном уровне – ключевых составляющих деятельностного аспекта риска.

Последний факт связан и с актуализацией теорий, которые концентрируют исследовательский фокус на рефлексивности как основном свойстве субъекта в современном обществе. Здесь стоит вспомнить и значимость самореференции общества в теории Н. Лумана [4], и рефлексивность как главную черту современности в работах Э. Гидденса [5, 6], и построения П. Бурдьё относительно рефлексивной социологии (социологии, проводящей научную ревизию над самой собой) [7]. По мнению плеяды современных западных ученых, благодаря возрастанию значимости рефлексивности (в понимании последней как осмысления сущности субъекта и смысложизненных ориентиров в заданных социокультурных условиях) агенты стали задумываться над тем, что ранее не входило в сферу их повседневной рефлексии (в особенности осознание глобальных, экологических и более широкой сферы повседневных рисков).

Вторжение риска в ткань повседневного праксиса субъектов и социального знания связано и с недавним «бумом» социологических теорий экономического толка – теории рационального выбора и теории обмена, основанных на модели трактовки субъекта в качестве представителя *homo economicus* [8]. В этой связи риск как категория, поддающаяся математической калькуляции и прогнозированию, прочно закрепился в методологическом поле социологических теорий последних лет. Несмотря на то, что в настоящее время в социологическом дискурсе все чаще представлена критика ограниченности модели *homo economicus* в описании мотивации действий современных субъектов, понятие риск в рамках социологического рассмотрения успешно обретает новую методологическую базу (к примеру, зарубежный исследователь Л. Луптон выделяет три направления в рамках социокультурного подхода в исследовании риска – «культурно-символический», «говернментальный» и теорию «общества риска» [9]), отображающую особенности социокультурных и социоструктурных условий развития современных обществ.

Как отмечают российские социологи А.М. Дорожкин и Н.Е. Григорьева, в конце XX века перед лицом фундаментальных проблем классический мир гуманитарной науки сменяется неклассическим миром плюрализма и всеобщей изменчивости. Все большую роль начинают играть процессы саморегуляции и самоорганизации, прямые и обратные связи объекта с социально-культурным окружением, и потому риск уже не поддается однозначному моделированию и прогнозированию (как это было в рамках рассмотрения риска в экономической теории) [10]. Отмечая открытость как основную характеристику современных обществ,

¹ К примеру, в столице Уэльса - городке Кардифф существует специализированный трастовый фонд под названием Safer Wales, который специализируется на оказании разносторонней помощи различным риск-группам в Великобритании.

исследователи обращают внимание на то, что актуализация рискогенных процессов имеет под собой определенную цивилизационно-технологическую основу, которая обретает свое воплощение в социологических теориях «цивилизации риска», а затем и «общества риска». Резюмируя, отметим, что категория «риск» успешно «перекочевала» из методологической плоскости экономических наук в более широкую область социогуманитарного знания, приобретая новые аспекты теоретической и эмпирической операционализации.

Исследуя развитие западных наработок в области социологии риска, А. Красиков отмечает, что развитие рискологии как парадигмы социологической мысли обусловлено изменениями темпа социальных трансформаций, взаимодействия общества с окружающей средой, глобализацией, созданием новых средств труда, переориентацией религиозных верований и идеологий, социальных практик [11, с. 12]. Социологические парадигмы, основанные на детерминизме и линейности и ориентированные на разработку рациональных поведенческих стратегий, сейчас не соответствуют описанию новых реалий. Таким образом, суммирует автор, возросла потребность в новых подходах к исследованию общества, развития интегральных и постмодернистских методологий. Одним из векторов «обновления» социологического знания стало развитие социологии риска [11, с.14-16].

Как справедливо отмечает Н. Луман, с незапамятных времен людям приходилось иметь дело с неуверенностью относительно будущего, однако высокие культуры древности располагали совершенно иной техникой для работы с аналогичными проблемами, а потому не нуждались в слове, обозначающем то, что мы сегодня понимаем под риском [12]. Э. Гидденс, обращая внимание на причины появления актуальной неуверенности в отношении будущего, отмечает, что жить в эпоху "поздней современности" (late modernity) означает жить в мире случайности и риска – неизменных спутников системы, стремящейся к установлению господства над природой и рефлексивному творению истории [13]. Созвучное мнение по данному вопросу можно встретить у коллеги Э. Гидденса – У. Бека – одного из «соавторов» теории общества риска.

Для поиска факторов актуализации риск-анализа, связанных с особенностями современных социоструктурных и социокультурных общественных изменений, обратимся к работе У. Бека «Общество риска: на пути к другому модерну» [7]. Немецкий исследователь в качестве краеугольной причины актуализации риск-концепции современных обществ называет Чернобыльскую катастрофу, подчеркивая обострение подверженности человечества современным глобальным угрозам: «Чернобыль – это конец «других», конец всех наших строго культивировавшихся возможностей дистанцирования друг от друга, ставший очевидным после радиоактивного заражения. От бедности можно защититься границами, от опасностей атомного века — нельзя» [7, с. 5]. И. Евдокимова значительно расширяет круг факторов, способствующих повышенному интересу к риску со стороны науки в 1960-е гг. Она связывает это с возникновением нежелательных последствий технического развития: разрушением озонового слоя, попаданием кислотных осадков в биосферу, вырождением хвойных и лиственных деревьев, уничтожением биологического разнообразия в результате изменений в землепользовании и уничтожения лесов, возникновением угрозы атомного взрыва в результате развития атомной энергетики, возникновением угроз жизни и здоровью на Земле в результате использования пестицидов, рекомбинации ДНК и т.д [14]. В совокупности с природными катастрофами все это привело к увеличению опасности для жизни отдельного человека, общества и природы в целом.

Чернобыль как символ беззащитности мирового сообщества перед продуктами научно-технического прогресса стал основополагающим фактором актуализации риск-повседневности и риск-концептов ее исследования в мировой социологии. Принимая в целом основной тезис об актуализации глобальных угроз У. Бека, отметим, что в 21-м веке происходит не просто актуализация глобальных угроз: производственные (модернизационные) риски, которые ранее подавались пространственной локализации, сегодня приобретают черты глобальных угроз. Тотальный риск заключается как раз в том, что сейчас уже нельзя защититься и от бедности (на примере глобального экономического кризиса); и защититься свою политическую и/или экономическую независимость (волны «арабских революций»). В современном мире своеобразным «чернобылем» может обернуться не только «парниковый эффект» или ураган «Катрина», но и такие феномены, как, к примеру, «черный понедельник 2008 года» в США.

В глобализированном мире производственные (локальные риски) обретают характер глобальных угроз (в том числе благодаря распространению глобальной сети Интернет). В реальности миллионов людей всего мира, опосредованной использованием Интернет-технологий (подробнее см. исследование М. Кастельса [15]), виртуальные риски перемещаются в плоскость повседневной жизни: от вирусной атаки файлов, хранящихся на локальном диске компьютера, до мониторинга профайлов социальных сетей государственными службами.

Следующим фактором, который во многом способствует актуализации концепции общества риска, является соционатуралистическая идея У. Бека, которая описывает «бесшовность» единства природы и общества (по аналогии «бесшовности» культуры и социального, по Ф. Тенбруку [16]) на современном этапе мирового развития, вызванного последствиями научно-технического прогресса. У. Бек отмечает, что в

обществе риска имеет место своеобразный состав смеси природы и общества. К концу XX века природа оказалась покоренной и до предела использованной, превратившейся из внешнего феномена во внутренний, из существовавшего до нас в воспроизведенный. В ходе технико-индустриальной переделки природы и ее широкого подключения к рыночным отношениям она оказалась интегрированной в индустриальную систему. Зависимость от потребления и рынка означает новую форму зависимости от «природы», и эта имманентная «природная» зависимость от рыночной системы становится в этой системе законом жизни индустриальной цивилизации [7]. Продолжая идею немецкого социолога, отметим, что подобная взаимозависимость рынка, потребления (экономической подсистемы в частности, а также социальной системы в целом) и природы влечет за собой взаимоподверженность «промахам» обеих систем: экологические катастрофы непременно влекут за собой социально-экономические изменения и наоборот. Однако стоит отметить противоречивость теоретических построений У. Бека: представленный выше тезис опровергает сущностные различия между производственными рисками и глобальными угрозами – основными составляющими концепции общества риска, а также позволяет говорить не только о «бесшовном соитии» социального (структуры) и культурного (ценности), но и конституировании ними природного как имманентной характеристики социокультурного. И стихийные бедствия, и глобальное потепление являются продуктами технологической интервенции человека.

Дополнительным фактором актуализации исследования риск-феноменов является многоаспектность современной системы социальной стратификации. У. Бек особое место отводит риску в конституировании социальной системы современных обществ. Он подчеркивает, что риск становится не только новым критерием социальной стратификации, отмечая, что «в отличие от сословных и классовых ситуаций новая «аскриптивная» разновидность чреватой грозными опасностями судьбы складывается не под знаком бедности, а под знаком страха и является не «традиционным реликтом», а продуктом модерна на высшей ступени его развития» [7]. У. Бек вводит новый критерий стратификации – подверженность риску (группы, подверженные рискам, и группы, извлекающие из рисков выгоду), которая во многом «освежает» многообразие современных социологических подходов к анализу стратификационных систем. Принимая во внимание глобальные экономические риски, основными критериями социальной стратификации могут выступать не уровень доходов, не профессия (по Дж. Голдторпу [17]), не рыночные шансы (по М. Веберу [18]) и не особенности потребления (по Т. Веблену [19]), а такие критерии, как отдаленность места жительства от зоны токсических отходов, чистота питьевой воды и воздуха, безопасность общественного транспорта, уровень преступности района проживания и т.д. Именно в этом контексте особую значимость приобретает индивидуальная система действий субъекта – совокупность реакций на риск-ситуации, которую в условиях общества риска следует назвать риск-стратегией.

Фактором актуализации исследования риск-феноменов выступает также рефлексивная модернизация современных обществ (термин У. Бека), которая представлена двумя аспектами. Если в индустриальном обществе «логика» производства богатства доминирует над «логикой» производства риска, то в обществе риска это соотношение меняется на противоположное. У. Бек не операционализирует понятие логики производства рисков, однако его дальнейшие построения связаны с идеей институционализации риска в качестве имманентного компонента накопления богатств и предпринимательской деятельности, а также с идеей геометрической прогрессии возрастания рисков различных уровней в процессе накопления богатств. В работе «Общество риска...» У. Бек отмечает, что «логика» распределения рисков связана с актуализацией модернизационных рисков, которые проявляются в непоправимом ущербе для жизни растений, животных и людей [7]. Именно неуловимость угрозы и беспомощность перед ней способствуют распространению радикальных и фанатичных настроений, а также активизации политических течений, которые делают социальные стереотипы и подверженные им группы населения «громоотводами» опасностей, скрытых от непосредственного восприятия и воздействия [7], продолжает У. Бек. В контексте таких настроений неопределенность и беспомощность грозит превратиться в социальный алармизм и загустить радикальные общественные движения (последствия подобных тенденций наблюдаются сейчас в Мали, Египте, Сирии).

Вместе с универсализацией рисков, их публичной критикой они сбрасывают покров латентности и получают центральное значение при обсуждении социальных и политических конфликтов [7]. Продолжая мысль У. Бека, отметим, что не последняя роль в процессе экстерииоризации и институционализации рисков в современном обществе принадлежит СМИ, информационные поводы которых, построенные на освещении риск-событий, выступают надежным основанием для успешной борьбы за топ-рейтинги. Тем самым риски обретают «независимость», отрываясь от индивидуального субъективного опыта жизненной ситуации, становясь intersубъективной реальностью для рефлекслирующих их агентов.

Помимо изменений социальной структуры современных европейских обществ наблюдаются новые тенденции развития институтов семьи и профессии. По данному поводу У. Бек неоднозначно отмечает: система координат, в которой закрепляется жизнь и мышление индустриального модерна – ось «семья и профессия», расшатывается, возникает новая двусмысленная связь между шансами и рисками, т. е. вырисовываются контуры общества риска. Во многом это связано с тем, что скользящие графики рабочего

времени и смена рабочих мест стирают границы между работой и не-работой. Микроэлектроника, как справедливо отмечает У. Бек, позволяет заново связать в единую сеть предприятия, филиалы и потребителей. Тем самым модернизация как бы устраняет прежние правовые и социальные предпосылки системы занятости: массовая безработица интегрируется через новые формы «многообразной неполной занятости» в систему занятости со всеми вытекающими отсюда рисками и шансами [7].

Во многом риск оказал влияние на переструктурирование профессиональной системы современных обществ: в 80-90 гг. 20 века возникла не просто академическая деятельность, которой занимались в лабораториях и научно-исследовательских центрах, а целая «индустрия риска», включающая множество периодических изданий, научных сообществ, учреждений, занимающихся подготовкой «экспертов технологического риска», были сформированы соответствующие институциональные структуры на уровне государства [20, с. 216]. Так, например, в США и во Франции буквально за 4 года существенно увеличился спрос на «инженеров по безопасности», возросла их численность и расходы на оплату их труда [21, с. 16].

Нетривиальный аспект актуализации исследования риск-феноменов предлагает Э. Гидденс, анализируя актуализацию рисков в современном обществе в связи с особенностями взглядов на будущее и отмечая распространение системы тотального контроля за повседневной жизнью людей в современном мире посредством технологического прогресса. Исследователь обращает внимание на то, что року и судьбе (как неизменным спутникам представлений о будущем в традиционных культурах) не отведено никакой формальной роли в современном мире, основанном на принципе открытого человеческого контроля над природным и социальным мирами [22]. Весь мир будущих событий открыт для преобразования людьми в тех пределах, которые устанавливаются в результате оценки риска. На смену мистическому и иррациональному року – основному ориентиру в формировании взглядов на будущее в традиционных культурах – приходит рациональный и калькулируемый риск. Н. Луман во многом дополняет идеи Э. Гидденса об особенностях взглядов на будущее в современном мире, отмечая новое амплуа человека в контексте восприятия и формирования собственного будущего. Актуализация риска связана с осознанием человеком того, что именно он сам, а не мистические или божественные силы несет ответственность за свою судьбу, решения, действия и последствия. Понятие риска, уточняет Н. Луман, стало использоваться в качестве своеобразного инструмента, вырабатывающего у человека «иммунитет» по отношению к неопределенному будущему, гарантируя, что даже если вещи будут идти не так, как хотелось бы, человек сможет всегда действовать правильно [23]. Тем самым исследователи актуализируют представления о человеке как субъекте² действий и выработки решений.

Дополнительным фактором актуализации исследования риск-феноменов является трансформация ценностного поля в постсоветских странах. В частности, отсутствие отечественной рискологии российский исследователь риска Н. Яницкий объясняет тем, что в отличие от западной культуры с ее культом рациональности культура в России и в Украине не являлась культурой калькуляции, счета, развитой рефлексии по поводу своих и чужих действий, что в целом не способствовало выработке в обществе культурных стереотипов, адаптирующих его субъектов к рискогенной среде [25, с. 51-52]. Нисбет Роберт отмечает, что актуализация риска вызвана освобождением общественного сознания от религиозных и мистических представлений о мире, индивидуализацией ценностного сознания, а также распространением рационально-инструментального отношения к действительности [26]. Описанные выше тенденции во многом созвучны с актуальным состоянием ценностного поля (термин Л.Г. Сокурмянской [27]) современной украинской молодежи, в частности с процессами индивидуализации и инструментализации ценностного сознания подрастающего поколения.

Дополняет список факторов, актуализирующих теоретическую модель общества риска для современных украинских реалий, низкий уровень жизни в нашей стране. Как отмечает У. Бек, «общество риска» будет еще более ощутимым, пока в странах и обществах (сегодня преимущественно в так называемом третьем мире) мыслями и поступками людей владеет чувство материальной нужды, «диктатура нищеты» [7]. И хотя мы не склонны к использованию последней категории для описания социально-экономического состояния современного украинского общества, однако такие экономические показатели, как внешнеэкономический долг, низкая платежеспособность населения, рост инфляции и девальвация национальной валюты, заставляют задуматься о перспективном состоянии украинской экономики.

Резюмируя, необходимо отметить, что для актуализации риска как социального феномена общественной жизни и категории современного социологического дискурса имеется достаточно оснований эмпирического и теоретического характера. Системность представленных в данной работе факторов свидетельствует о неслучайном характере актуализации теорий общества риска в современной

² В рамках данной работы мы отмечаем актуальность использования понятия субъект, понимая под *последним* активно действующего индивида (группу), деятельности которого обязательно присуще самостоятельное, самодеятельное начало, производящее те или иные социокультурные формы [24].

социологии. Несмотря на разночтения в социологическом сообществе относительно природы и социальной сущности риска и его эмпирическое многообразие в современном мире, именно исследование риск-феноменов является перспективным направлением преодоления методологического кризиса социологии начала третьего тысячелетия.

Литература:

1. Ритцер Дж. Современные социологические теории / Дж. Ритцер. 5-е изд. - СПб.: Питер, 2002. – 688 с.
2. Штомпка П. Миссия социологии в посткоммунистических обществах / Питер Штомпка // Посев. – 2006. - № 6. – С. 10-18.
3. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии / А. Турен – М.: Научный мир, 1998. - 204 с.
4. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Никлас Луман/ пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. — СПб.: Наука, 2007. — 648 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации/ Э. Гидденс. - М.: Академический проект, 2005. – 464 с.
6. Гидденс, Э. Ускользающий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс - М.: Весь мир, 2004. – 422 с.
7. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну/ Ульрих Бек. - М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
8. Вайзе П. Homo economicus и homo sociologicus: монстры социальных наук / Петер Вайзе// Thesis. – М.: Начала-пресс, 1993. - Выпуск 3. – С. 115-130.
9. Lupton D. Risk and sociocultural theory: new directions and perspectives/ D. Lupton/ Cambridge University Press, 1999. – 300 p.
10. Дорожкин А.М. Риск в социальном пространстве: историческая ретроспектива и современность / А.М. Дорожкин, Н.Е. Григорьева // Вестник Нижегородского Университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: социальные науки. – НУ имени Н.И. Лобачевского, 2008. – С. 1-10.
11. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии / С. А. Красиков // Социологические исследования. - 2008. - N 9. - с. 12-19.
12. Luhmann N. Risk: A Sociological Theory/ Niklas Luhmann/ New York: Walter de Gruyter, Inc., 1993. - 236 p.
13. Giddens A. Modernity and self-identity. Self and society in the late modern age. - Cambridge: Polity Press, 1991. – 256 p.
14. Євдокимова І. Соціальний ризик техногенного характеру / І. Євдокимова // Соціальні ризики та соціальна безпека в умовах природних і техногенних надзвичайних ситуацій та катастроф / Відп.ред. В.В. Дурдинець, Ю.І. Саєнко, Ю.О. Привало, в. – К.: Стило, 2001. – С. 23-70.
15. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. - Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. – 328 с.
16. Тенбрук Ф. Задачи социологии культуры/ Ф. Тенбрук // ФРГ глазами западногерманской социологии. М., 1989. С. 296 – 329.
17. Goldthorpe J. H. On the service class, its formation and future/ J. Goldthorpe // Social Class and the Division of Labour / Eds. Giddens, Mackenzie. — Cambridge: Cambridge University Press, 1982. – 236 p.
18. Вебер М. Основные понятия стратификации/ М. Вебер // Социс. – 1992. – №3. – С. 147-156.
19. Веблен Т. Теория праздного класса / Т. Веблен / Пер. с англ., вступ. ст. С.Г.Сорокиной; Общ. ред. В.В.Мотылевой. - М.: Прогресс, 1984. - 367 с.
20. Буржуазная социология на исходе 20 века: Критика новейших тенденций / В.Н. Иванов, Ю.Н. Давыдов, М.С. Комаров и др. – М.: Наука, 1986. – 278 с.
21. Дюкло Д. Страх и знание: общество лицом к науке, технике и их опасностям. Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплексные исследования». – М.: ИНИОН, 1992. – 40 с.
22. Гидденс А. Судьбы, риск и безопасность // Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Thesis. – М.: Начала-пресс, 1994. – Т. 2, Выпуск. 5. – С.107-115.
23. Луман Н. Понятие риска / Н. Луман // Thesis. – М.: Начала-пресс, 1994. – Выпуск 5. – С. 135-160.
24. Омельченко Е.Л. Молодежный вопрос в пространстве современности/ Е.Л. Омельченко // Журнал исследований социальной политики. - 2006. - Т. 4. - № 2. - С. 149-150.
25. Яницкий О.Н. Экологическая социология как риск-рефлексия / О.Н. Яницкий// Социологические исследования. – 1999. – №6. – С. 50-60.
26. Nisbet A. Robert The Sociological Tradition / Nisbet A. Robert / New York: Basic Books, Inc., Publishers, 1961. – 337 p.
27. Сокурская Л.Г. Ценностный мир постсоветского студенчества: результаты применения методов интеллектуального анализа данных/ Л.Г. Сокурская, О.Н. Кислова // Социология. – №3. – 2008. – С. 88-100.